

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОГО ДВОРА КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье анализируется социокультурная эволюция городского двора как общественного пространства в течение трех периодов истории России: дореволюционный (вторая половина XIX – начало XX века), советский (большая часть XX века) и постсоветский (конец XX – начало XXI века). Предметом анализа является изменение основных социокультурных функций (коммуникативной, социализирующей, сигнификативной и защитной) городского двора как общественного пространства. Городской двор исследуется в статье как общественное пространство, поэтому основное внимание уделено коммунальному двору, то есть двору многоквартирного дома.

городской двор, общественное пространство, социокультурные функции.

Для того чтобы проследить социокультурную эволюцию городского двора как общественного пространства, разделим этот процесс на три достаточно условных периода истории нашей страны: дореволюционный (вторая половина XIX – начало XX века), советский (большая часть XX века) и постсоветский (конец XX – начало XXI века). В рамках этих периодов нашими основными задачами будет анализ основных социокультурных функций городского двора как общественного пространства и их изменение до настоящего времени. Важным обстоятельством является то, что двор исследуется в данной статье как общественное пространство, поэтому основное внимание будет уделено коммунальному двору, то есть двору многоквартирного дома, а не двору индивидуальному, являющемуся частью индивидуального домохозяйства.

В целом феномен двора как элемента организации человеческого пространства имеет социально-антропологические корни: территория вокруг жилища вписывается в общую концепцию присвоения физического пространства, которое неминуемо становится социальным, вследствие присущей человеку, как виду, социальности. Например, П. Бурдые обосновывает присвоение физического пространства рентой «от ситуации, которая связывается с фактом нахождения рядом с дефицитными или желательными вещами (благами или услугами, такими как образовательное, культурное или санитарное оснащение) и с агентами (определенное соседство, приносящее выгоды от спокойной обстановки, безопасности и др.) или вдали от нежелательных вещей или агентов»¹. Коммунальный двор, обладая практически всеми характеристиками, описываемыми в цитате П. Бурдые, несомненно, является частью этой социальной «ситуативности», создаваемой человеком.

Как справедливо указывает С.Т. Махлина, «в коммунальном дворе воплощены взаимодействие архитектурно-планировочной структуры и системы социальных связей: коммунальный двор всегда относится ко всем жителям дома одинаково, в то же время являясь его социальным и психологическим центром»². По мнению С.Т. Махлиной, двор становится моделью мира, а дворовой социум – моделью общества, где проявляют себя общекультурные архетипы – «герой», «балагур», «склочник», «чудак», «умник» и т.д.³ На основе описания А.Э. Гутновым двора как единицы городской архитектурной среды можно выделить как минимум четыре социокультурные функции двора – коммуникативную, социализирующую, сигнификативную и защитную: «Двор был местом общения и – это знает каждый, кто жил в старых городских кварталах, – великой школой социального опыта. Это было отгороженное от внешнего мира, интимное, наполненное конкретным социальным содержанием и поэтому индивидуализированное, “свое” пространство. Оно имело свою историю, свои мифы и легенды, а в чем-то диктовало свои правила поведения. Здесь больше, чем где-либо, ощущалось чувство безопасности, уюта, – своего рода “чувство дома”, возникающее, однако, не на почве личной собственности (“мой дом – моя крепость”), а на почве коллективной

¹ Бурдые П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. С. 45.

² Махлина С.Т. Семиотика культуры повседневности. СПб. : Алетей, 2009. С. 205–206.

³ Там же. С. 207

принадлежности к определенному месту»⁴. Необходимо отметить, что указанные функции коммунального двора имеют отношение в большей степени к двору советского периода, что, в общем, объясняется наиболее коммунальным характером общественных отношений, господствовавших в данный исторический период. Как эти функции проявлялись в предыдущий и последующий периоды будет обозначено ниже.

Коммунальный двор без коммунальности (вторая половина XIX – начало XX века)

Генезис коммунальных дворов в России, как правило, связывается с возникновением в конце XIX века в Петербурге и Москве специфического типа доходного дома с затемненными дворами-колодцами, рассчитанного на плотную периметральную застройку квартала⁵.

Двор города эпохи капиталистической модернизации функционален, лишен «культурности» отдыха и социальности, в нем нет ничего «лишнего», отвлекающего человека – рабочую единицу – от его движения на работу и обратно. Таков двор центрального Санкт-Петербурга конца XIX века – флагмана капиталистической модернизации России. Общение в таком дворе минимизировано до случайных соседских встреч в его пространстве и, как правило, ограничено приветствиями, если жители дома хотя бы знают друг друга в лицо. Вот как описывают двор типичного петербургского доходного дома начала XX века Д.А. Засосов и В.И. Пызин – очевидцы возникновения и бурного развития этого типа жилья, которое соответствовало новому торгово-промышленному укладу жизни: «Двор был настолько тесен, что никаких подсобных помещений не было – ни сараев, ни дровяников, поэтому дрова завозились подводами со складов и тотчас разносились дворниками по квартирам, что создавало в них неуютную атмосферу и мусор. Вот как образовывались дворы-колодца: дом этот имел 7 этажей, соседний тоже был высок, так что квартиры, выходявшие во двор, были полутемными»⁶.

Двор, в данном случае, представляет собой элемент «изнанки» города как триумфа мира капитала, описание которой дает Г.Л. Тульчинский: «Темные, сырые комнаты-гробы, дворы-колодцы, канавы, вонь, теснота, подслушивание. И – дворцовые фасады, проспекты, площади, набережные, простор. И все эти противостояния – с почти мгновенной сменой позиции. Из полуподвала и двора-колодца – на набережную. Только что снег, мрак и почти сразу – ослепительное солнце»⁷. Почти стопроцентно совпадает со списком Г.Л. Тульчинского список В.Н. Топорова: «Внутри культуры – жилище неправильной формы и невзрачного или отталкивающего вида, комната-гроб, жалкая каморка, грязная лестница, колодец двора, дом – “Ноев ковчег”, шумный переулок, канава, вонь, известка, пыль, крики, хохот, духота противопоставлены проспекту, площади, набережной, острову, даче, шпилью, куполу»⁸. И опять двор – это колодец, у которого есть лишь дно и стены и в котором нет места детским играм, дружескому общению, сидению на лавочке, созерцанию зелени и другим социокультурным вещам, свойственным общественным пространствам. Подобная картина пустого, «транзитного» пространства двора московского многоквартирного дома описывается и В.Г. Белинским в очерке «Петербург и Москва»: «Обыкновенно, входите вы там на довольно большой двор, на котором, кроме собаки или собак, ни одного живого существа; спросить некого, надо стучаться в двери с вопросом: не здесь ли живет такой-то, потому что в Москве дворники редки, а звонки еще и того реже»⁹.

В этот исторический период двор представляет собой более социально-экономическое пространство, нежели социально-культурное: в нем осуществляются самые разные виды хозяйственной и экономической деятельности, свойственной обществу торговли, капитализма и модернизации. Яркое описание такого типичного коммунального двора находим у Некрасова в очерке «Петербургские углы»: «Дом, на двор которого я вошел, был чрезвычайно огромен, ветх и неопрятен; меня обдало нестерпимым запахом и оглушило разнохарактерным криком и стуком: дом был наполнен мастеровыми, которые работали у растворенных окон и пели. В глазах у меня заперстели

---

⁴ Гутнов А.Э. Мир архитектуры: язык архитектуры. М. : Молодая гвардия, 1985. С. 171.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л. : Лениздат, 1991. С. 63.

⁷ Тульчинский Г.Л. Город – испытание // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры «Метафизика Петербурга». СПб. : Эйдос, 1993. Вып. 1. С. 149.

⁸ Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Там же. С. 217.

⁹ Белинский В.Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга. М. : Советская Россия, 1984. С. 56.

отрывочные надписи вывесок, которыми был улеплен дом изнутри с такою же тщательностью, как и снаружи: делают троур и гробы и на прокат отпускают; медную и лудят; из иностранцев Трофимов; русская привилегированная экзаменованная повивальная бабка Катерина Брагадини; пансион; Александров в приватности Куприянов. При каждой вывеске изображена была рука, указующая на вход в лавку или квартиру, и что-нибудь, поясняющее самую вывеску: сапог, ножницы, колбаса, окорок в лаврах, диван красный, самовар с изломанной ручкой, мундир»¹⁰.

Тема двора как преимущественно экономического пространства раскрывается и у А.А. Бахтиярова, который пишет в своих «общественно-физиологических очерках» под общим названием «Брюхо Петербурга» о существовании целых кварталов, дворы которых занимали представители тех или иных артелей (корпораций), например тряпичников: «Во дворе – огромные каменные сараи для склада тряпья, которое свозят сюда тряпичники и на себе посредством двухколесной тележки, и на ломовиках – громоздкими возами. Сараи подразделены на номера, и каждый тряпичник имеет свой номер. Здесь же лежат огромные кучи старого железа и груды костей»¹¹. Даже те виды деятельности, которые традиционно воспринимаются как культурные, например исполнение музыки, во дворе доходного дома представляют собой в первую очередь деятельность экономическую, о чем свидетельствует описание рабочего дня арфиста в очерках А.А. Бахтиярова: «Каждое утро, повесив через плечо на ремнях свои арфы, арфисты отправляются на работу. Войдя во двор большого дома и поставив арфу на землю, арфист наигрывает на ней какую-нибудь музыкальную пьесу, по временам озирая окна многоэтажного здания. Раздаются мотивы “Венецианского карнавала”, “Стрелочка”, какого-нибудь модного вальса, старинной польки и т.п. Если с арфой ходит девица, то она при этом и поет, сопровождая пение игрою на арфе. Слушатели из окон бросают артисту медные деньги, завернутые в клочок бумаги. Деньги летят на мостовую, откуда арфист и подбирает их»¹².

Таким образом, можно сделать вывод, что во время становления городского двора как коммунального, общественного пространства его социокультурные функции (коммуникативная, социализирующая, сигнификативная и защитная) были проявлены слабо, и в его пространстве доминировали утилитарные, экономические и, отчасти, социальные потребности жильцов.

Советский двор: «Гуляй там, где все!» (1917–1991 годы)

В советское время (особенно с момента создания советских коммунальных квартир в результате «уплотнений») двор – одно из базовых пространств социализации. Об этом очень просто и предельно четко говорит писатель Д. Данилов в своей документальной повести «Дом десять»: «Сразу за дорогой начиналось поросшее травой место, которое называлось двор. Во дворе играли»¹³. В данном случае двор – это, прежде всего, пространство детского игрового взаимодействия, в результате которого личность получает навыки кооперации, договорности, «сожития» с другими людьми (социализирующая функция двора), при этом какие-то пространственные, планировочные, эстетические характеристики двора не имеют принципиального значения. В отличие от дореволюционного двора-колодца, советский коммунальный двор мог и не иметь четких границ, заданных архитектурой образующих его зданий. Частично это было связано с переходом от квартального к микрорайонному планированию города. Несмотря на это, большинство советских детей прекрасно понимали, где проходят границы «своего» двора. Это выражалось в очень четких указаниях родителей, когда дети собирались на улицу: «Со двора ни ногой!», «Гуляй там, где все!», «Через дорогу ни-ни!», «К десятому дому не ходить!», «За сараями не играть!» и т.п. Дополнительный присмотр за детьми осуществлялся с помощью бабушек, сидящих на лавочках у подъездов с утра до позднего вечера. Они же пристально наблюдали за дворовыми «шалопаями», чужими «хулиганами», незнакомцами и новыми жильцами, таким образом в полной мере реализуя защитную функцию двора. Эти же бабушки являлись основными генераторами межпоколенной коммуникации (коммуникативная функция двора), передавая информацию всем без исключения жителям дома. Пожалуй, самой сложной, трудно поддающейся анализу, является сигнификативная функция двора, которая заключается в том, что у каждого двора были свои истории, свои мифы и

¹⁰ Некрасов Н.А. Петербургские углы (из записок одного молодого человека) // Там же. М. : Советская Россия, 1984. С. 132.

¹¹ Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга. Л. : Ферт, 1994. С. 178–179.

¹² Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга. С. 202.

¹³ Данилов Д. Дом десять. М. : Ракета, 2006. С. 17.

легенды. Его конкретные места, объекты, границы могли иметь специфические наименования, понятные только жителям этого двора. Например, границы двора, в котором жил автор данной статьи в семидесятых годах прошлого века, назывались «профессорский дом», «красный дом», «за сараями». Место для начала игры в прятки называлось «у трубы» (труба котельной дома). Многочисленные истории и легенды включали в себя как зарытые во дворе клады, так и более прозаические вещи: огромных крыс в подвале, которые сожрали кошку, местного шалопая, рыжего Женьку, который вырос, уехал в Москву и стал известным певцом и т.д. Коммунальность и «культурность» советского двора часто определялись и поведением соседей, которые получали статус местных «героев», рассказы о которых передавались из уст в уста и из поколения в поколение. Один из таких примеров приводит в своих воспоминаниях профессор В.И. Кадеев: «Одним из любимых занятий наших, местных мальчишек, было посещение этюдов художника Самокиша, жившего в доме № 37 в квартире художника Пестрикова, которому архитектор Бекетов выделил квартиру в своем доме. После смерти Пестрикова, Самокиша, который был глубоким стариком, опекала вдова Пестрикова – Наталья Георгиевна. В летние дни, когда во дворе было солнце, художник Самокиш, великий баталист, выходил с мольбертом во двор дома № 39. Мы, дети, увидев, что он поставил мольберт и начинает работать кистью, окружали Самокиша и с большим интересом рассматривали его великолепные рисунки батальных сцен или изображения лошадей, которые он рисовал по памяти. Мы с восторгом наблюдали, как на холсте появлялись изображения лошадей и батальных сцен. С любопытством мы, ребяташки, наблюдали, как зять архитектора Бекетова Рофе выводил своих мальчиков Федю и Вову и руководил их физической подготовкой. Учил их делать приседания, отжимания, прыгать и, тем самым, пытался сделать их физически здоровыми ребяташками»¹⁴. Советскому коммунальному двору, как и двору дореволюционному, иногда также была свойственна корпоративность, но эта корпоративность, в отличие от дореволюционной, имела не только социально-экономические, но и ярко выраженные социально-культурные проявления, о которых пишет В.И. Кадеев: «Посещали мы постоянно бесплатные сеансы кино, которые смотрели во дворе дома № 6 по улице Дарвина, где экраном служила выбеленная стена этого дома. Этот дом был местом, где жили военнослужащие, и поэтому туда регулярно приезжала киногруппа и демонстрировала различные фильмы. Мы пролазили через всякие щели, например, под железными воротами дома, и потом тихонечко сидели и, открыв рот, смотрели эти киносеансы»¹⁵. Иногда советский образ жизни и его идеологические установки позволяли реализовывать в пространстве двора, как кажется, даже не свойственные ему социокультурные проекты, которые, очевидно, можно отнести к наиболее полной реализации социокультурных функций двора как общественного пространства. Например, В.А. Минаев, председатель совета ветеранов войны и труда Калининского района города Уфы, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан, отличник народного образования Республики Башкортостан, вспоминает: «Когда мы с ребятами ровняли площадку и размечали линейку, подошла пожилая женщина и поинтересовалась, что здесь будет. Я ответил, что планируется создать дворовой пионерский лагерь. Женщина попросила перекопать периметр размеченной линейки: “Я вам принесу рассаду цветов и помогу посадить”. Мы с радостью согласились. По вечерам старшеклассники ходили по подъездам и составляли списки желающих отдохнуть в нашем будущем лагере»¹⁶.

Таким образом, все четыре социокультурные функции двора, обозначенные выше во вступительной части статьи, в полной мере реализовались в общественном пространстве советского двора.

Постсоветский двор: элитарность и народность (конец XX – начало XXI века)

В начале постсоветского периода происходит достаточно быстрый упадок коммунального двора, особенно если двор, как в большинстве микрорайонов, был образован несколькими большими многоквартирными домами и, таким образом, имел несколько входов/выходов. Это было связано с возросшим ощущением незащищенности у жителей: многие родители не стали отпускать

¹⁴ Кадеев В.И. Воспоминания. Харьков : НТМТ, 2013. С. 19–20.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Минаев В.А. Воспоминания (из фондов Музея истории развития образования Республики Башкортостан) // Педагогический журнал Башкортостана. Уфа : Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2007. № 2 (9). С. 113–114.

детей гулять во дворе, а пенсионеры перестали проводить время во дворе на лавочках в вечернее время. Жители трудоспособного возраста также стали уделять меньше времени общению с соседями во дворе, так как были более сфокусированы на решении своих каждодневных экономических проблем. Все это способствовало ограничению социокультурной функциональности дворового пространства. Во второй половине девяностых годов начался процесс, который оказал противоречивое влияние на социокультурные функции двора: строительство многоквартирных элитных домов. Как указывает А.И. Воскресенская, «появление слоев населения с высокими доходами повлекло за собой возведение так называемых “элитных” жилых домов и комплексов, дворы которых охраняются и превращаются в территории ограниченной доступности»¹⁷. При таком типе двора его защитная функция, очевидно, возрастает, а у коммуникативной, социализирующей и сигнификативной функций появляется высокий потенциал развития, но, учитывая достаточно высокую степень индивидуализма у жителей таких домов, как правило, этот потенциал реализуется далеко не в полной мере. Восстановлению социокультурных функций двора на современном этапе пытаются способствовать различные гражданские инициативы (как коллективные, так и индивидуальные), государственные, партийные и общественные конкурсы на лучший двор, но в целом для постсоветского периода характерен определенный «возврат» социокультурного функционала коммунального двора к его дореволюционному состоянию. Несомненно, отличия есть, и, прежде всего, они заключаются в том, что постсоветский двор отчасти повторяет стандартное «наполнение» двора советских многоэтажных кварталов и микрорайонов, которое включает в себя клумбы, зеленые насаждения, детскую площадку, лавочки для отдыха. Новшеством является наличие в некоторых дворах спортивной или даже тренажерной площадки¹⁸, однако коллективная деятельность в пространстве двора – явление более редкое, чем в советский период. В этой связи обращают на себя внимание попытки отдельных жителей домов советской застройки «украсить» подручными средствами хотя бы часть территории своего двора, обычно примыкающую к своему подъезду или к окнам квартиры на первом этаже (оформление природными материалами, рисунки на стенах дома, сараев, на заборах, украшение пластиковыми бутылками, автопокрышками). Какое влияние подобные инициативы оказывают на социокультурные функции дворового пространства, требует отдельного исследования. В целом развитие социокультурного проектирования и, в частности, городского социокультурного проектирования в десятые годы XXI века в нашей стране привело к тому, что в дворовом пространстве стали реализовываться проекты, связанные с паблик-артом и стрит-артом. Интересным в данном контексте является проект музея PERMM «Общий двор», в котором приняли участие художницы и художники стрит-арта в возрасте от 55 до 87 лет¹⁹. Проект охватил четыре двора в Перми, но наиболее интересным кейсом в плане исследуемой нами темы является двор на улице Формовщиков, 34 (куратор Любовь Шмыкова), где, по воспоминаниям жильцов, три двухэтажных многоквартирных дома образовали общий уютный двор. Этот арт-проект непосредственно затронул так сложно «схватываемую» сигнификативную функцию дворового пространства. Идея проекта заключалась в том, чтобы визуализировать воспоминания жильцов дома об общем дворе, о квартале, о локальных привычках и традициях на его стенах в форме стрит-арта: организаторы проекта брали интервью у жильцов дома, превращали их в короткие тексты и наносили на стены дома при активной помощи его жильцов.

Неким прототипом двора будущего стал паблик-арт-проект «Медиадвор» (спецпроект Пятой Московской биеннале современного искусства), который представляет собой уличную тотальную инсталляцию во дворе факультета медиакоммуникаций и отделения культурологии университета «Высшая школа экономики», превращающую эту часть городского пространства в информационное поле²⁰. Wi-Fi-зона во дворе, где располагаются арт-объекты, позволяет сделать его одновременно и зоной выставки, и зоной общения с помощью виртуальных средств коммуникации. Таким образом, двор становится «гибридным» общественным пространством, в котором происходит и виртуальное, и реальное социально-культурное взаимодействие. Основная задача проекта – сделать постоянно действующее открытое художественное пространство, некую «гетеротопию», где формируются общественные отношения, основанные на культурном коде

---

¹⁷ Воскресенская А.И. Комплексное благоустройство дворовых территорий городской жилой застройки (на примере города Москвы) : автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2008. С. 15.

¹⁸ См., например: Двор будущего. URL : <http://duma-astrakhan.ru/dvor-budushhego/> (дата обращения: 19.11.2017).

¹⁹ Общий двор. URL : <http://zvzda.ru/articles/7c7212886ea3> (дата обращения: 18.11.2017).

²⁰ Медиадвор. Паблик-арт-проект. URL : <http://www.ncca.ru:8008/events.text?filial=2&id=1963> (дата обращения: 16.11.2017).

актуального искусства. Конечно, вряд ли такие проекты будут реализовываться как коммунальные дворы, но они показывают, насколько глубоко информационно-коммуникационные технологии вошли в нашу культуру, уже серьезно повлияв на социокультурные функции городского двора как общественного пространства.

Итак, представленный анализ основных социокультурных функций городского двора как общественного пространства в рамках трех исторических периодов (дореволюционный, советский и постсоветский) показывает, что его эволюция была обусловлена несколькими факторами, среди которых основную роль сыграли изменения экономического и социального характера. Наибольшее развитие социокультурные функции двора получили, как указывалось выше, в советский период, чему активно способствовала коммунальная тотальность советского образа жизни. Элементы этой тотальности продолжают оказывать влияние на представления о том, каким должен быть двор и в постсоветский период, несмотря на то, что сегодня векторы его развития как общественного пространства разнонаправлены и определяются различными экономическими, социальными и политическими процессами. Если в советское время можно было говорить фактически об одном типе городского двора, то сегодня таких типов несколько, у каждого из которых своя степень выраженности социокультурных функций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Бахтиаров, А.А. Брюхо Петербурга [Текст]. – Л. : Ферт, 1994.
2. Белинский, В.Г. Петербург и Москва [Текст] // Физиология Петербурга. – М. : Советская Россия, 1984.
3. Бурдые, П. Социология политики [Текст]. – М. : Socio-Logos, 1993.
4. Воскресенская, А.И. Комплексное благоустройство дворовых территорий городской жилой застройки (на примере города Москвы) [Текст] : автореф. дис. ... канд. архитектуры. – М., 2008.
5. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры: язык архитектуры [Текст]. – М. : Молодая гвардия, 1985.
6. Данилов, Д. Дом десять [Текст]. – М. : Ракета, 2006.
7. Двор будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://duma-astrakhan.ru/dvor-budushhego/> (дата обращения: 19.11.2017).
8. Засосов, Д.А. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев [Текст] / Д.А. Засосов, В.И. Пызин. – Л. : Лениздат, 1991.
9. Кадеев, В.И. Воспоминания [Текст]. – Харьков : НТМТ, 2013.
10. Махлина, С.Т. Семиотика культуры повседневности [Текст]. – СПб. : Алетейя, 2009.
11. Медиадвор. Паблик-арт-проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ncca.ru:8008/events.text?filial=2&id=1963> (дата обращения: 16.11.2017).
12. Минаев, В.А. Воспоминания (из фондов Музея истории развития образования Республики Башкортостан) [Текст] // Педагогический журнал Башкортостана. – Уфа : Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2007. – № 2 (9). – С. 102–120.
13. Некрасов, Н.А. Петербургские углы (из записок одного молодого человека) [Текст] // Физиология Петербурга. – М. : Советская Россия, 1984.
14. Общий двор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zvzda.ru/articles/7c7212886ea3> (дата обращения: 18.11.2017).
15. Топоров, В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы [Текст] // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры «Метафизика Петербурга». – СПб. : Эйдос, 1993. – Вып. 1.
16. Тульчинский, Г.Л. Город – испытание [Текст] // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры «Метафизика Петербурга». – СПб. : Эйдос, 1993. – Вып. 1. – С. 149.

REFERENCES

1. Bahtiarov, A.A. Brjuho Peterburga [Text]. – L. : Fert, 1994.
2. Belinskij, V.G. Peterburg i Moskva [Text] // Fiziologija Peterburga. – M. : Sovetskaja Rossija, 1984.
3. Burd'e, P. Sociologija politiki [Text]. – M. : Socio-Logos, 1993.
4. Voskresenskaja, A.I. Kompleksnoe blagoustrojstvo dvorovyh territorij gorodskoj zhiloj zastrojki (na primere goroda Moskvy) [Text] : avtoref. dis. ... kand. arhitektury. – M., 2008.
5. Gutnov, A.Je. Mir arhitektury: jazyk arhitektury [Text]. – M. : Molodaja gvardija, 1985.
6. Danilov, D. Dom desjat' [Text]. – M. : Raketa, 2006.
7. Dvor budushhego [Electronic resource]. – Mode of access : <http://duma-astrakhan.ru/dvor-budushhego/> (date of access: 19.11.2017).
8. Zasosov, D.A. Iz zhizni Peterburga 1890–1910-h godov. Zapiski ochevidcev [Text] / D.A. Zasosov, V.I. Pysin. – L. : Lenizdat, 1991.
9. Kadeev, V.I. Vospominanija [Text]. – Har'kov : NTMT, 2013.
10. Mahlina, S.T. Semiotika kul'tury povsednevnosti [Text]. – CPb. : Aletejja, 2009.
11. Mediador. Pablik-art-proekt [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ncca.ru:8008/events.text?filial=2&id=1963> (date of access: 16.11.2017).
12. Minaev, V.A. Vospominanija (iz fondov Muzeja istorii razvitija obrazovanija Respubliki Bashkortostan) [Text] // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. – Ufa : Bashkir. gos. ped. un-t im. M. Akmully, 2007. – N 2 (9). – S. 102–120.
13. Nekrasov, N.A. Peterburgskie ugly (iz zapisok odnogo mladogo cheloveka) [Text] // Fiziologija Peterburga. – M. : Sovetskaja Rossija, 1984.
14. Obshhij dvor [Electronic resource]. – Mode of access : <http://zvzda.ru/articles/7c7212886ea3> (date of access: 18.11.2017).
15. Toporov, V.N. Peterburg i peterburgskij Text russkoj literatury [Text] // Peterburgskie chtenija po teorii, istorii i filosofii kul'tury "Metafizika Peterburga". – SPb. : Jejdos, 1993. – Vyp. 1.
16. Tul'chinskij, G.L. Gorod – ispytanie [Text] // Peterburgskie chtenija po teorii, istorii i filosofii kul'tury "Metafizika Peterburga". – SPb. : Jejdos, 1993. – Vyp. 1. – S. 149.

A.V. Solovyev

THE SOCIOCULTURAL EVOLUTION OF URBAN YARDS AS PUBLIC SPACES

The article analyzes the sociocultural evolution of urban yards as public spaces during three periods of Russian history: the pre-revolutionary period (the late 19th – early 20th centuries), the Soviet period (the major part of the 20th century) and the post-Soviet period (the late 20th – early 21st centuries). The analysis focuses on the changing socio-cultural functions of urban yards as public spaces (namely, communicative, socializing, signifying, and protective functions). The article treats urban yards as public spaces and focuses on communal yards.

urban yard, public space, sociocultural functions.